

ЛИЧНОСТИ–ИДЕИ

Отец

КОРНИ

Зеэв Жаботинский

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Любавичский Ребе

ВЕРА

П. Я. Чаадаев

ФИЛОСОФИЯ

КОРНИ

I. ОДЕССА

Мой отец, как и я, – одессит из семьи одесситов. Этим уже многое сказано.

Одесса – особенный город. Она родилась в Новое время, когда молодая Российская империя рвалась к морям-океанам и завоевывала себе пространство. Северное побережье Черного моря, перешедшее от турок к России, было новой территорией, которую Церковь осваивала одновременно с евреями.

Сочетание этих факторов произвело неожиданный эффект. В Одессе, которую режим включил в черту оседлости, евреи изначально не испытывали нужды в традиционной религиозно-общинной защите от чуждой среды, так как самой этой среды, по сути, еще не было. Евреи быстро сообразили, что защита эта им и не нужна, тем более, что на дворе Новое время. Куда хочу – туда гуляю.

И Одесса забурлила, став предтечей всего советского еврейства, которое также перестало испытывать эту нужду.

Стихийный еврейский национализм ничем не сдерживался, и одесситы показали, на что он способен. Одесса стала центром молодого сионизма, через Одессу прошли все знаменитые имена. А что: современный город, порт и законное право в нем находиться – он в черте, все по закону. Погромы?! Вот вам еврейская самооборона. Все еврейские анекдоты, живые и буйные, – анекдоты одесские, хотя в черте оседлости было множество других городов, в которых евреи жили веками. Но молодая Одесса всем дала фору.

Таким и был мой отец – стихийный еврейский националист. "О смешанном браке думать не смейте" – так он нас воспитывал. А когда его мать, моя родная бабушка, посвятившая всю свою жизнь семье и дому, заявила "если они уничтожат Израиль, пусть уничтожат весь мир с моими детьми", я поняла, какие у меня корни.

II. ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Но отец мой был еще и советским офицером, штурманом дальней авиации. А это уже совсем другой мир. Это военный гарнизон. Это державность. Это Дом офицеров, хор в 200 человек (замполит части самодеятельность любил) и все вместе "Ленину хвалааа, партии хвалаааа".

Армию отец любил, обожал своих армейских друзей. И они ему платили тем же, встречались после его демобилизации, и он всегда веселел, когда они приезжали в его Одессу. Весной начинались звонки: кто-то переболел и хочет оздоровиться, кому-то просто хочется к морю. Можно приехать? Можно было всегда. Однажды вернулась домой на каникулы. В нашей 2-хкомнатной хрущевке 17 человек. И всем хватило места. Всем хорошо и весело.

После 6-дневной войны между ними стал Израиль. Отец не пропускал ни одной весточки об Израиле, но ни с кем из них говорить об этом не мог. Как ни странно, говорили они. Однажды приехал однополчанин дядя Игорь. Они с отцом сидели в комнате. Я в спальне только в зеркале видела их отражение и с замиранием сердца впитывала каждое слово. Отец молча слушал, а дядя Игорь с восторгом рассказывал об опыте израильских летчиков, который

они изучали в полку. Об Израиле заговорил и дядя Витя, папин командир, дослужившийся до высокого чина. Это он рассказал папе, что под Николаевом (если точно помню) стоят советские самолеты с арабскими опознавательными знаками. Они понимали, что рассказывают еврею, им хотелось об этом рассказывать, и они знали, что на отца можно положиться – дальше не пойдет.

Такое не забывается.

Однажды я спросила у отца: "Папа, а если бы тебе приказали сбросить бомбу на Иерусалим, что бы ты сделал?". Отец помолчал, желваки заходили (так он всегда реагировал на то, что было крайне неприятно) и ответил: "Я бы ее сбросил на Кремль". Но до этого не доходило, наверно потому, что где-то находились дядя Игорь с дядей Витей и все понимали – есть Красная черта.

Вот такой опыт интернационального национализма. Из него получается качественный сионизм. Да, националистка, да державница. Я за свою страну, чтобы куда хочу – туда гуляю. Убеждена, что только так и можно дружить: чтобы у каждого была своя страна. Но, те, кто искренне связали свою судьбу с Израилем, для меня как дядя Игорь и дядя Витя, папины друзья-однополчане.

III. ТОЛЬКО ТРУД

Отец был Человеком Труда в самом высоком смысле этого слова. В СССР нельзя было не трудиться: кто не работает – тот не ест. Закон запрещал: за тунеядство сажали.

Но отцу не нужны были эти законы, потому что труд он обожал, любой. Все, что он делал, делал с наслаждением.

Помню карты, разложенные на полу, аккуратные точки клея, линейка и карандаш – отец готовится к полетам, прокладывает маршрут. Помню фотографию в Доме офицеров на Доске почета: отец – изобретатель, изобрел прибор точного бомбометания. Мы с братом гордились.

Он брался за все и все у него получалось.

Приближается банкет в Доме офицеров, дорогая шерсть куплена, а портниха отказала. "Давай я сошью" – предлагает папа. Мама не рискует дать шерсть. На пробу дает штапель. И отец, так же

аккуратно, как он вычерчивал маршрут на картах, когда готовился к полетам, расчертил выкройку и...шил. Платье получилось на славу и шерсть была доверена. Тоже сшил. Потом офицерские дамы у мамы адресок портнихи выспрашивали. А пробное штапельное платье мама долго носила – самым удачным оказалось.

Он сам смастерил прихожую, переставил дверь, и квартира изменилась, появились уютные уголки. Через много лет брат, приехав в Одессу, позвонил в дверь нашей бывшей квартиры. Там жили другие люди. Они пригласили брата в дом, показали все то, что папа сделал, а они до сих пор пользуются. Благодарили.

Его инструменты – предмет священного поклонения. Все вычищено, все сложено. Карандашик, взятый в ящике, нужно положить точно на то же место. Иначе нельзя. У папы порядок.

В 6 утра он уже стоит на остановке заводской развозки, после завода ездит по разным местам, чинит машины (гражданская профессия – мастер по ремонту счетно-вычислительной техники). А в конце дня – к матери, каждый день. Неутомимый.

"Делать деньги???" – это не из его словаря.
Плата только за ТРУД.

IV. ЕВРЕЙСКАЯ МУДРОСТЬ

Но у Советской власти все не просто. Военная пенсия ограничивает его заработок. И тут папа проявляет свою еврейскую изобретательность: оформляются родственники, знакомые, чтобы папа мог работать, ездить по разным местам – в семье должен быть достаток.

Еврейское начало проявлялось постоянно, в каждом, казалось бы, незначительном эпизоде.

После увольнения прописали в родной Одессе, но квартиру не дали. Папа вступил в кооператив, но тут же сообразил, что можно найти другое решение жилищной проблемы. Устроился добровольцем в исполком, работал несколько лет, трудился, и получил квартиру от государства.

Когда все наше семейство с детьми и племянниками выходило из трамвая – папа по-гусарски покупал билеты на всех – он, послушный гражданин, возвращал все билеты бедной кондукторше и приговаривал "человеку надо дать жить".

Еврейская мудрость.

Из Германии должны были прислать новые вычислительные машины. На курсах, где папа когда-то учился, а затем преподавал ремонт вычислительной техники, решили послать сотрудника в Германию. Папу не послали. А он достал материалы и научился всему сам. А отучившийся в Германии сотрудник потом бегал к папе на консультации. Вот такая еврейская нестигаемость. Без обид.

V. НАДЕЖНОСТЬ

Он был фантастически надежен.

Через пару месяцев после выхода из кооператива, где папу, естественно, выбрали председателем, к нему пришла целая делегация пайщиков: "Пожалуйста, вернитесь. Мы будем вам платить за руководство даже без вашего членства". Выяснилось, что после папиного ухода начались взятки, возникла путаница. У папы такого быть не могло и все это знали.

Мы, его дети, тоже это как-то знали, ощущали подсознательно. Я разбила хрустальную вазу, расплакалась. Подходит младший брат: "Не плачь, Ленка, папа починит". Ага, хрустальную вазу. Но эта уверенность – папа может все.

VI. МУЖСКОЕ – ЖЕНСКОЕ.

Отец был воплощением Мужского начала, и я лишь со временем начала понимать, как это важно для дочерей, особенно сейчас.

В офицерских семьях естественное разделение на мужчин и женщин ощущалось особенно. Но за пределами семьи разницы не было: все учились, трудились, общались. Спрос со всех одинаковый.

Отец с меня спрашивал по полной программе. В конце недели проверял дневник: школа требовала подписи родителей, а отец, чтобы на каждой строчке дневника было записано задание. Ничего не задали не бывает. Задание должно быть всегда. Здесь нет разделения на мальчиков и девочек. И никакого визга о дискриминации.

Спасибо, батя, за выучку.

VII. ДВА СТВОЛА ЕДИНОГО РУССКОГО КОРНЯ

Мой отец родился советским евреем. Вся его жизнь совпала с процессом становления Советской сверхдержавы и трансформации ее отношений с евреями; он пережил и распад Государства.

Но в первых же рассказах об израильских халуцах-строителях государства я узнала своего отца. Тот же интернациональный национализм, те же трудолюбие, преданность, неутомимость. Та же потребность доказывать себя трудом, но при этом всегда находить нестандартные решения и никогда не идти на поводу у системы.

Мистика чисел: в одном и том же номере Таймс сообщалось о Декларации Бальфура и Октябрьской революции в России. С этого момента из одного корня начали расти два ствола русского еврейства – один израильский, другой советский. Два новых национальных опыта, которых не знала История.

Всматриваясь в фотографии своего отца, я вижу, как простой еврейский парнишка преобразуется и становится тем самым советским евреем, которого я люблю, которого ценю и стараюсь понять, пропуская через разум собственные эмоциональные переживания.

Но что собой представляет второй, израильский ствол русского еврейства, я не знала. Я просто поверила другому русскому еврею, Зеэву Жаботинскому.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

I. ШЛИЛАТ ГАЛУТ

Выйти из общего потока эмиграции на Запад и устремиться в Страну, которую я никогда не видела и могла лишь только вообразить! Чтобы на это решиться во времена СССР, должно была появиться убежденность в абсолютной правильности такого шага. Впервые она появилась после прочтения небольшой книжки, которую в СССР ввезли нелегально. Книжку передавали из рук в руки с обязательным напоминанием: читать быстро, желающих много. На обложке название – Зеэв Жаботинский. Избранное.

Уже с первых страниц у меня возникло чувство близости к автору. Потом поняла причину: Жаботинский – одессит, из тех, кто называли себя «свободными» (от традиций религиозной общины).

Журналист, родной язык русский, любимая страна Италия, где он жил, работал, учился – типичный Человек мира и мировой культуры.

И вдруг резкий разрыв: «*Евреи, покончите с галутом или галут покончит с вами*» («галут» – пребывание евреев в среде другого народа). Эти слова Жаботинский произнес еще в юности – выиграло родное, одесское. Однако убеждение оказалось зрелым. Сформулированное так четко – ни убавить, ни прибавить – оно заслонило все прочее, стало главным в его жизни. Неистовой борьбе за это убеждение Жаботинский посвятил всю свою жизнь.

Зеэв Жаботинский принадлежал к поколению халуцианства, поколению строителей Государства (халуц – пионер, идущий в авангарде). Это было поколение, которое восстало против многовековой традиции галута.

«**Шлилат галут**» (отрицание галута) – главная идеологема поколения. Смысл: еврей в среде других народов утратил свою национальную Личность, привык приспособливаться и мимикрировать, становиться таким, каким другие желают его видеть; чтобы покончить с этим нестерпимым положением, евреи должны вернуться на родину предков, обрести политический суверенитет и вернуть себе свое национальное Я.

Своими статьями из маленькой книжки Жаботинский объяснил мне, что такое «галут», как именно он влияет на евреев и почему с ним пора кончать. Я его поняла, и с ним согласилась. «**Шлилат галут**» стало моим непоколебимым убеждением.

Если в Советском союзе я могла лишь поверить Жаботинскому, то уже в Израиле смогла убедиться в его правоте, сравнивая израильских евреев с теми евреями, которые остались в галуте, сменив прописку или оставив прежнюю.

В своей стране еврей становится таким, каков он есть, со своими выдающимися достоинствами и столь же выдающимися недостатками. Он сталкивается с реальностью такой, какова она есть, сосредотачивается на себе, решает свои, а не чужие проблемы.

В галуте еврей привычно перекраивает сам себя, чтобы вписаться в новую среду, которая ему представляется такой, какой ему бы хотелось, чтобы она была.

Мне легко было сравнивать израильтян с евреями галута, так как в Израиле я живу, а подавляющее большинство близких мне людей осталось в галуте и продолжают жить в том же вымышленном мире, в котором жили мы когда-то за Железным занавесом. Но тогда это было вынуждено, а теперь добровольно. И иначе нельзя: такова природа галута.

Неожиданным для меня было то, что в вымышленном мире оказались и израильские евреи. Окончательно я в этом убедилась благодаря еще одной книжке, на обложке которой опять стояло имя Жаботинского: Моше Бела. "**Мир Жаботинского**".

Автор книги, Моше Бела, нашел в богатом наследии Жаботинского множество цитат, в которых представлены позиция Жаботинского по различным проблемам, его анализ ситуаций, оценки, прогнозы. Моше Бела разложил эти цитаты по темам и Мир Жаботинского предстал как поразительно целостная картина еврейской национальной жизни и ее проблем.

Прочитав книгу, я поняла, каким бесценным сокровищем мы обладаем. Идеи, которые оставил Жаботинский оказались крайнем актуальными как для оценки того опыта, который накопило израильское общество за годы суверенитета, так и для оценки того опыта, который накопило советское еврейство за Железным занавесом.

Универсализм – самое ценное в наследии Жаботинского. Он умел видеть суть явления. И поэтому сама жизнь доказывала его правоту.

II. ЕВРЕИ – НАРОД ИСТОРИИ

То, что израильское общество оказалось в тупиковой ситуации, сегодня понимают все. Но как оно там оказалось? На этот вопрос я и искала ответ, сравнивая идеи Жаботинского теперь уже с израильской реальностью. Вывод однозначный: развитие израильского общества пошло по пути отрицания базисных идей Жаботинского.

Прежде всего это развитие привело израильских евреев к отрицанию самого определения сионизма, данное Жаботинским: **«Сионизм – это когда евреи начинают сами создавать свою историю».**

Достаточно беглого взгляда на 3000-летнюю историю евреев, чтобы понять точность этого определения: евреи никогда не развивались самостоятельно, всегда нуждаясь в толчке извне.

Первоначальный толчок идет от Синайского откровения, причем, значения не имеет реальные или легендарные события описаны в ТАНАХЕ; главное – так сам себя видит народ, таково его самосознание. И факты истории подтверждают: народ не ошибается.

Возвращение из Вавилонского плена – инициатива персидского царя Кира. Выход евреев на историческую арену начался с приходом эллинов на Землю Израиля. 2000-летнее рассеяние инициировал Рим, передавший развитие евреев тем народам, в среде которого евреи развивались в полном соответствии с развитием этих народов.

Результатом такого развития оказался распад народа. Каждая община, приученная жить в среде другого народа и приспособливаться к нему, утратила способность и даже потребность в самостоятельной жизни. Община стала нуждаться в

народе чужом и перестала нуждаться в народе собственном, еврейском.

Раввины этой проблемы не заметили из-за многовековой привычки считать народом свою общину. Проблему заметил сам народ, вернее, самые зрячие из народа. Доказательство.

Перец Смоленский:

Разве имя Израилево основано на религии, законе, соблюдении предписаний или обычаях? Имя это живо народным чувством.

Миша Бердичевский

Мы должны перестать быть евреями благодаря абстрактному иудаизму, но стать евреями по собственному своему праву, как живая и развивающаяся нация

Ахарон-Давид Гордон

"Мы, евреи, первыми в истории сказали: "Каждый народ пусть идет путями своего бога" и "Ни один народ не поднимет меч против другого", - а потом сами перестали быть народом."

Халуцианство родилось в этом ощущении реального состояния народа: народ первичен; религия обеспечивает нужды народа, а не наоборот. На протяжении веков народ признавал Талмудический раввинизм, пока он обеспечивал самосохранение народа в галуте. Но как только Талмудический раввинизм превратился в **"абстрактный иудаизм"** (Бердичевский), народ от него отказался и продолжил свое развитие.

То, что подобное развитие народа легитимно, доказывает опыт советских евреев: Талмудический раввинизм исчез, а национальное чувство не только сохранилось, но развилось на новой основе, на основе цивилизации, и вспыхнуло с невероятной силой, когда пробил час.

Точно по Жаботинскому: "*сначала Б-г создал нацию!*". В диалоге ТВОРЦА с народом религия выполняет вспомогательную функцию. И как только религия перестала выполнять эту функцию, народ ее отбросил, чтобы продолжить свой живой диалог с ТВОРЦОМ. Диалог продолжался в двух параллельных опытах, израильском и советском. Инициаторами и в том, и в другом случае были русские евреи, потому что ни одна часть рассеянного еврейского народа не ощутила потребность в живом диалоге так остро, как ощутило это русское еврейство.

III. ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВА ЕВРЕЕВ

Вернуть народу утраченную способность быть народом – такова цель создания Государства. Но было множество возражений.

Яростно против государства выступают раввины. Оправдание этой ярости, в том числе мистическое, не может скрыть очевидное: раввин видит себя руководителем народа, даже если этот народ ограничивается его синагогой.

Галут поддерживает эту иллюзию. Государство разрушает.

В Государстве раввин обнаруживает, что является всего лишь руководителем общины, который руководить народом не может, так как с народом незнаком. Государство раввин воспринимает как покушение на власть, без которой рухнет вся система национально-общинной самоорганизации в галуте.

Но возражают не только раввины. Возражает и Ахад хаАм, выдающийся мыслитель поколения халуцианства. Правда, он возражает по другой причине: общинный народ к государству не готов ментально. Нужно создать духовный центр, в котором народ сможет свободно развиваться и творить. В процессе обретения нового опыта народ поймет, какое государство ему нужно.

Жаботинский утверждает обратное: начинать нужно сразу с государства, с любого, так как только государство позволяет вернуть

и организовать народ. Создание Государства – не сама по себе цель, а начало национального строительства. А что является целью?

"Еврейское государство - не конечная цель. Оно - первый шаг к цели...последний шаг – это то, ради чего, по сути, и существуют нации, – создание могучей национальной культуры, "ИБО ИЗ СИОНА ПОЙДЕТ ТОРА."

Итак, целью является культура, ради которой и существуют нации.

Что же такое культура?

IV. КУЛЬТУРА – БОЛЬНОЙ ВОПРОС

Все поколение халуцианства буквально бредило культурой, оставив после себя доказательство в виде многочисленных высказываний. Есть они и у Жаботинского. Вот одно из них, которое приводит Моше Бела:

Все – язык, экономика, политический строй, короче – "культура". Ибо "национальная культура" – это далеко не только литература и музыка, как считают многие, национальная культура есть совокупность обычаев, общественных институтов, производительных и творческих сил народа."

Есть ли у евреев основание считать, что народ с такой задачей справится? Конечно есть – ТАНАХ. Вот ярчайшее свидетельство еврейской национальной культуры. Но ТАНАХ – это прошлое народа. А как поколение халуцианства предполагало создавать его будущее? На какой основе?

Цитата их наследия Ахад ха-Ама выражает общее мнение

"Полноценная национальная жизнь включает два момента: во-первых, полное развитие творческих способностей нации в особо самобытной национальной культуре; во-вторых, систему образования, посредством которой отдельные члены нации будут полностью пропитаны такой культурой и сформированы ею, так что отпечаток

ее будет виден на всем образе их жизни и мышления, как индивидуальном, так и общественном."

Халуцианство и начиналось с возрождения языка и создания школ. Этим оно принципиально отличалось от простого переселения на Землю Израиля, которое осуществлялось и раньше. Доказательство: халуцианское поколение было поколением "**маскилим**" ("образованных", то есть прошедших аккультурацию европейской культурой). Приобщение к универсальным знаниям, общечеловеческим, позволило просвещенной части народа возродить иврит, основать гимназию "**Герцлия**", то есть заложить фундамент национального суверенитета – единый язык национальной жизни. В системе образования поколение халуцианства видит главное средство воссоздания целостности народа, которую галут уничтожил.

Национальное единство было главной целью "**Письма статус-кво**", подписанное Бен-Гурионом и согласованное с лидерами ортодоксального иудаизма. Это "**Письмо**" включало пункт об обязательном изучении истории, математики и естественных наук (об этом ортодоксы предпочли забыть).

Значение этих наук для государства доказывает советский опыт: на базе естественно-научных знаний сверхдержава объединила разные народы, среди которых были и крайне отсталые. Евреи смогли обрести уникальный опыт сверхдержавы лишь признав Просвещение универсальным Знанием, без деления «на эллина и иудея». Религия категорически этого не допускала. Результаты советского опыта были в Израиле восприняты как общенациональные, хотя таковыми они не являлись.

Как же можно было проигнорировать все эти факты и создать государственную систему образования, в которой молодые люди разных секторов общества не только отделены друг от друга, нигде не пересекаются, но и не получают те базисные знания, которые перечислены в "**Письме статус-кво**" Бен Гуриона? Ведь им эти знания необходимы для их сотрудничества в будущем с другими гражданами государства.

Но это то, что происходит в Государстве Израиля. Абсурд: Государство, созданное, чтобы объединить народ, через систему образования ведет народ к распаду, а Государство к гибели.

Чтобы понять причину этой угрожающей перспективы, нужно обратиться к наследию Жаботинского.

V. ПРОСВЕЩЕНИЕ – ТОЖЕ БОЛЬНОЙ ВОПРОС

Во время создания Еврейского университета в Иерусалиме Жаботинский, как член попечительского совета, отвергает концепцию образования, которую отстаивает Хаим Вайцман, будущий президент Израиля.

Профессор химии Вайцман, как и его коллеги, европейские ученые-евреи, видят в Университете кузницу еврейских талантов и будущих лауреатов Нобелевской премии. Жаботинский ставит национальную задачу – учить еврейскую молодежь.

"На Венском конгрессе было принято предложение Вейцмана об основании Еврейского университета в Иерусалиме, и я согласился войти в комитет, созданный для этой цели. Но вскоре выяснилось, что "университет" — это предлог, ибо доктор Вейцман хотел создать только "исследовательский институт", в котором работали бы ученые и стремились бы получить Нобелевскую премию, а не школу, в которой обучали бы студентов. Я направил протест в центр сионистской организации в Берлине, и я все еще помню один абзац из него: "Мне также ясно, что еще не в наших силах создать хороший университет; неважно, начнем с плохого университета — увидите, он будет иметь национальное и просветительное значение, равное дюжине хваленых исследовательских институтов".

(Жаботинский. "Повесть моих дней")

В одной из статей, сообщая о царившей в университете атмосфере в ожидании самого Эйнштейна, Жаботинский замечает,

что ученый такого уровня нуждается в культурной среде своего уровня, которую формирующееся израильское общество обеспечить ему не сможет.

То есть, Жаботинский видит в Высшей школе средство формирования еврейской нации, культурной среды, в которой будут расти и еврейские гении. Его оппоненты видят в Высшей школе условия существования избранных, которыми все прочие смогут гордиться.

Победило мнение научной элиты, там самым определив развитие Государства и общества. Результат налицо: множество достижений небольшой горстки талантов и низжайший уровень среднего израильянина; эмигрантские настроения израильян, которые стремятся в "культурные" страны (счет эмигрантов идет уже на сотни тысяч); наконец, политический раскол, который образно был обозначен в предвыборной кампании: европейские евреи ("**любители симфоний**") против восточных евреев ("**любителей дарбуки**", ударного восточного инструмента).

Главный же результат – в Израиле не сформировалась интеллектуальная среда, способная поставлять народу идеи и тех государственных деятелей, которые способны эти идеи реализовать. Специалисты, какими бы ни были их достижения в узких областях, такую среду не создают. Ее создает сам народ.

По иронии судьбы на выборах президента Израила в 2014 году свою кандидатуру выдвинул Дан Шехтман, не просто профессор химии, но и лауреат Нобелевской премии. Именно он забил тревогу по поводу уровня массового образования, который несет прямую угрозу существованию Государства. При голосовании в кнессете профессор Шехтман получил 1 голос из 120. Представители народа в национальном парламенте просто не поняли, о чем говорил ученый, которым народ может гордиться.

Закономерный результат, но не единственный. Другие проблемы Государства также решаются в вопиющем противоречии с идеями Жаботинского.

А результатом является утрата смысла сионизма, четко сформулированного Жаботинским: "**Сионизм – это когда евреи начинают сами создавать свою историю**"

Теперь интеллектуальная инициатива находится в галуте и вновь другие создают историю евреев. "**Сделка века**" – ярчайшее тому доказательство.

VI. ЖЕРТВЫ "ШЛИЛАТ ГАЛУТ"

Когда знакомишься с наследием Жаботинского, невольно задаешься вопросом: как стало возможным забвение его наследия?

Ответ на этот вопрос дал внук Бен-Гуриона: "**Это для вас он премьер-министр, а для меня он просто дедушка**".

Для уроженцев Страны поколение халуцианства – просто дедушки и бабушки. Так они и относятся к их наследию – как к чему-то домашнему и устаревшему. Они знают о прошлом своих отцов и дедов, гордятся ими, вспоминают их, путешествуют по местам их подвигов (в Израиле это основа национального воспитания). Но не имеют ни малейшего представления об их идеях, которые должны были определить будущее. А не определили, потому что потомки оказались не в состоянии понять собственных предков.

И в этом нет их вины. Просто уроженцы Страны – тот самый ствол, который вырос из корня русского еврейства, но без питавшей его почвы – оказались жертвами главной идеологемы поколения халуцианства - "**шлилат галут**".

Как выяснилось, отрицание галута было необходимо, чтобы евреи могли порвать с 2000-летней традицией зависимости. Но на отрицании галута невозможно строить суверенную национальную жизнь, так как все знания и умения евреи накопили в галуте, в среде других народов, когда "**другие создали историю евреев**". Отрицание галута оставило уроженцев страны без корней.

Их отцы и деды были европейцами. Европейскую культуру они воспринимали как собственную, понимали смысл ее идей и идеологем.

Уроженцы Страны европейцами не являются. Им лишь рассказывали об европейской культуре и ее идеях. Поэтому все европейские понятия – "**демократия**", "**свобода**", "**права человека**", "**государство всех граждан**" – в их устах лишаются смысла.

Слова они произносят, но что они означают, сами не понимают. Результатом же этой бессодержательности является всеобщая дезориентация общества, признаки которой с каждым днем становятся очевиднее.

Но есть еще одно качество, загубленное отрицанием галута. Мы называем его **идишкайт** – теплое чувство семейной принадлежности, воспитанное общинной культурой галута.

Поколение халуцианства, выросшее в галуте, этим качеством обладало. Их внуки и правнуки его лишились, так как воспитывались на идеологии. А идеология – вещество, которое очень быстро остывает, и этим отличается от патриархальности традиционного общества, которое сохраняет тепло семейных отношений и передает его по наследству. Результат: сплоченные патриархальные общины оказались несоизмеримо устойчивей потомков халуцов, и уверенно пошли на захват Государства.

Жаботинский понял эту проблему и написал об этом в письме к Бен-Гуриону:

"Ты и твои соратники, основатели движения "Рабочие Сиона", создали тонкую смесь этого учения (марксизма) с сионизмом – возможно, что вы в своей душе действительно смогли слить это воедино, но это понять может лишь тот, кто верит в это. Сейчас пришло поколение, которое не знает вашего ратоборства и не участвовало в ваших поисках истины; тончайшие логические силлогизмы, с помощью которых вам удалось из

двух нитей сплести одну, ныне забыты, словно секрет Страдивариуса."

Сказано предельно ясно: чистая идеология недолговечна, ее нельзя передать по наследству. Это подтверждает не только судьба рабочего движения Бен-Гуриона и его единомышленников-социалистов и даже не только израильский опыт.

Увы, это подтверждает и судьба ревизионистского движения самого Жаботинского.

VII. ПЛАН ЭВАКУАЦИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ЕВРЕЕВ. ХОЛОКОСТ

Кто сегодня вспоминает о плане эвакуации, который Жаботинский выдвинул в начале 30-х годов? Еще в юности он предсказал евреям Европы Варфоломеевскую ночь, а в начале 30-х годов выдвинул план эвакуации. Он метался по Европе, призывая евреев к восстанию против галута – к единственному средству спастись и прорваться на родину, сломать сопротивление британцев, которые получив "мандат на Палестину" для устройства еврейского дома, евреев в этот дом не пускали.

Но будущие жертвы Холокоста не откликнулись на его призывы. И когда случилось то, что случилось, Жаботинский просто умер. В 1940 году, когда его сердце остановилось, ему было всего 60 лет.

Жаботинский, однако, успел описать состояние евреев накануне величайшей трагедии:

"Даже отчаяние – это какая ни есть, но все же – реакция. Самое страшное – это то, что я вижу у многих и многих евреев Восточной Европы: равнодушие, такой фатализм. Люди ведут себя так, словно они приговорены. Такой покорности судьбе еще не знала история, даже в романах я ничего подобного пока не встречал. Как-будто

усадили в телегу небольшую группу – каких-нибудь 12 миллионов – и пустили телегу к обрыву. Телега себе едет к обрыву, а люди в ней – кто плачет, кто курит, кто газету читает, кто молится, и никому в голову не приходит взяться за вожжи и повернуть телегу. Как-будто под наркозом люди. Я пришел к вам с последней попыткой. Я зову вас. Проснитесь! Попробуйте остановить телегу, попробуйте спрыгнуть с нее, как-то заклинить ее колеса, не идите как стадо на бойню! Даже овцы, когда волк задерет вторую-третью из стада, пытаются убежать. А тут, Господи, да тут какое-то огромное кладбище!"

Эти слова он произнес на митинге в Варшаве весной 1939 года и оставил их в назидание потомкам.

И вот, в Иерусалиме собираются ведущие политические лидеры мирового уровня, чтобы в День освобождения Освенцима, напомнить миру о Катастрофе европейского еврейства. На трибуне президент Израиля, премьер-министр, оба воспитаны на идеологии Жаботинского, политические лидеры партии, которая выросла из ревизионистского движения Жаботинского. Кто-то из них вспомнил о Жаботинском и его плане эвакуации? Никто.

Катастрофа уже давно обрела статус национальной святыни. По своей значимости Катастрофа заслонила создание Государства Израиль. И уж конечно День независимости Израиль не собирает столько мировых лидеров, которые не слышали ни о Жаботинском, ни о его плане эвакуации.

А не слышали, потому что никто им об этом не рассказал. Как выяснилось, рассказывать некому.

VIII. ДВА СТВОЛА БЕЗ ОБЩЕГО КОРНЯ

Налицо явление: израильский ствол русского еврейства, лишившись почвы и корней, быстро начал засыхать. В это же время советский ствол русского еврейства продолжал развиваться, питаясь

из того же источника русской культуры, которая взрастила поколение халуцианства. Массовая алия 90-х годов – ярчайшее доказательство, что это не образ, а реальное явление.

Плодами советского ствола воспользовались все, но тут же начали вытапывать корни "неправильного еврейства". Основание – эти плоды росли без веры в ТВОРЦА и ЕГО союз с еврейским народом. Значит, это какие-то неправильные плоды.

Но разве вера в ТВОРЦА и ЕГО союз с еврейским народом ограничена религией? Свою веру евреи доказывают самим возвращением на Землю Израиля, так как возвращение возможно лишь в том случае, если эта Земля – Земля Обетованная. Без Обетования у Государства Израиля нет права на существование. А тот, кто признает Обетование, волей-неволей признает и Того, Кто Обетовал.

Лично я приехала с глубокой верой в ТВОРЦА и Обетование. Но чем дольше я живу в Израиле, тем больше осознаю, что моя вера глубоко национальна, как и вера халуцианского поколения. И чем дальше уроженцы Страны отдаляются от поколения халуцианства, тем ближе это поколение становятся мне, потому что и моя, и их вера растут из одного и того же русского корня. Это чувство преемственности возвращает меня к тем же проблемам веры, которые решало это поколение.

Убедил меня в этом другой русский еврей – Любавичский Ребе. Каким-то непостижимым образом ему удалось проникнуть через Железный занавес и вселить в меня веру в неразрывную связь нашей традиции с ТВОРЦОМ. В Израиле же именно он побудил задуматься о том, что собой эта связь представляет, и как получилось, что народу потребовался радикальный разрыв с нашей традицией, чтобы стали возможными все достижения евреев в Новое время – в науке, искусстве, и, главное, в создании Государства и возвращении евреев из галута.

ВЕРА

I. ПЕРВЫЙ РАВВИН

За 36 своих советских лет я не встретила ни одного раввина. А вот молодежь, которую к нам присылал Любавичский ребе, я встречала неоднократно. Они приходили в дома, где собирались евреи – открытые, дружелюбные, веселые. И возникало так необходимое нам тогда ощущение, что там, откуда они пришли, там наши братья. А здесь, в ЭТОЙ стране, мы заброшенные и чужие.

На ВЕРУ мою в ТВОРЦА их визиты, однако, никак не повлияли. К ВЕРЕ я пришла самостоятельно. С середины 70-х годов через границу начала проникать литература, которая в СССР была запрещена. Среди этой литературы было много информации религиозного содержания. И хотя религией я не интересовалась – никакой вообще – читала все подряд.

Постепенно я начала замечать, что именно религиозные люди поднимают волнующие меня вопросы и даже дают вполне логичные ответы. Метод, которым они пользовались, привлек мое внимание к ТАНАХУ. Я начала читать ТАНАХ, размышлять над его идеями и образами, сопоставлять факты, и в какой-то момент поняла: все выстраивается в стройную картину, но при одном условии – нужно принять как данность, что у мира есть ТВОРЕЦ, что у всего происходящего есть смысл, и определяется он Волей ТВОРЦА. В такой картине я находила собственное место и объяснение процессам, в которые была вовлечена. А это в свою очередь определяло и логику поведения.

Но одно дело убеждение в существовании ТВОРЦА, другое – ощущение, которое приходит через определенную практику веры. Мне эта мысль в голову не приходила, пока кто-то не передал мне открытку от Любавичского Ребе. Через эту открытку Ребе обращался к еврейским женщинам с просьбой зажигать субботние свечи. До сих пор не могу объяснить, почему эта просьба так на меня подействовала, но я на нее откликнулась – взяла и зажгла. (Этот

эпизод я описываю в книге "Кто Я?"). Это был совершенно новый опыт, который ни с чем нельзя сравнить.

Собственный поступок меня удивил, и я пыталась понять, как именно Ребе смог на меня повлиять. Конечно, проще всего объяснить это мистикой – религия ведь уводит человека в эту сферу. Но я-то как раз мистики сторонюсь, хотя допускаю, что есть люди, которым открыт доступ к информации, закрытой для меня (ведь и животные обладают способностью получать информацию, которую люди не воспринимают; не удивительно, что есть какие-то сверхспособные люди). Просто мистика – необъятное поле для разного рода шарлатанов. Это всегда и отталкивало меня от религии.

Но здесь было что-то другое. Личность Ребе обладала какой-то притягательной силой. Не только я, множество разных евреев это ощущало. К Ребе обращались евреи европейские и восточные; обращались обычные люди; обращались видные деятели, политические и общественные; обращались боевые израильские генералы. Их, как и меня, никто не заставлял это делать. Но они это делали.

Мое особое отношение к Ребе подтвердили два случая. В одном я оказалась свидетельницей, в другом непосредственной участницей.

Первый случай был связан с Войной в Заливе, когда Саддам Хусейн обстреливал нас скадами, а мы сидели в противогазах в комнатах с заклеенными пленкой окнами – опасались химической атаки. И вдруг передают сообщение от Ребе: пусть израильтяне не волнуются, с ними ничего не случится. В такой ситуации достаточно было одному скаду попасть в место скопления людей – а такие места были – и авторитет получает смертельный удар. Но Ребе не побоялся. Как он сказал, так и было. Его ответственность произвела впечатление.

Второй случай связан со статьей, которую я написала под огромным впечатлением от израильского общества. Я была ошарашена разнообразием этнических типов людей, которые называют себя евреями и верят, что принадлежат к одному народу.

В очередной раз я обратилась к ТАНАХУ, чтобы поразмыслить на эту тему и пришла к выводу, что этот очевидный результат 2000-летнего рассеяния ставит перед нашим народом новую задачу – решить универсальную проблему человеческого единства как внутринациональную проблему единства потомков ТАНАХических праотцев Авраама-Ицхака-Яакова.

Статью я назвала «Избранный народ».

Не могу объяснить, как пришла мне в голову мысль отправить статью Ребе, но я это сделала и через некоторое время получила от Ребе ответное письмо. Это было в самом конце его жизни, ребе был болен, и кто-то высказал сомнение, что это письмо от Ребе. Я и сама засомневалась и обратилась в Дом ХАБАДА, где меня уверили: никто не позволит себе писать письмо от имени Ребе. И это логично: зачем вдруг кому-то из канцелярии Ребе писать мне письмо.

Любавичский Ребе был единственным раввином, к которому я ездила на могилу. Но ездила я с единственной целью – поблагодарить Человека, который оказал на меня судьбоносное влияние.

II. ВО ЧТО МЫ ВЕРИМ?

Смущало меня лишь одно: реальная жизнь религиозных евреев, какой она оказалась в Израиле, была прямой противоположностью тому представлению о нашей вере и традиции, которое у меня сформировалось в СССР под влиянием разного рода статей, книг и радиопередач. А прямые контакты с религиозными людьми лишь добавили смущение – эти люди никак не связывались у меня с образом Любавичского Ребе.

Самой большой неожиданностью для меня было отношение израильской религиозной ортодоксии к естественно-научному знанию. Я и представить не могла, что правоверные евреи считают это знание нееврейским и противопоставляют их Торе, то есть, отказываются их изучать. В СССР было наоборот: евреи именно эту область знаний считали еврейской, достижениями ученых-евреев

очень гордились и приписывали их особым качествам всего еврейского народа. А это уже самосознание, которое определяет традицию воспитания. Да и из статей и книг, которые передавались из-за границы, можно было понять, что есть прямая связь между изучением Талмуда и успехами евреев в науке.

Реальность оказалась иной. Все ученые мирового уровня оказались почему-то европейскими евреями, то есть, теми, кто ушли из мира Талмуда. А те евреи, которые остались в мире Талмуда, к этим достижениям не имели никакого отношения. К тому же есть статистика: она опровергала утверждения, будто после обучения в ешиве, где юноши постигают мудрость Талмуда, они легко овладевают математикой и науками.

Однако несоизмеримо большей проблемой мне представлялось расхождение слова и дела.

Прекрасны слова "человеческая жизнь – высшая ценность"; в них хочется верить (а я приехала с убеждением, что наша традиция владеет способом их реализации). В реальности на производстве, на стройках люди погибали не из-за трагической случайности, а из-за организации производства. Да и может ли быть иначе, если контролеры кашрута исчисляются сотнями, а контролеры техники безопасности на строительстве единицами?

"Социальная справедливость – еврейский идеал со времен пророков" – тоже прекрасные слова (а я и в это поверила и приехала с этим убеждением). В реальности низкий уровень общего образования создал массу социальных проблем, которые невозможно было решить, и они накапливались, как снежный ком.

Как бывшая диссидентка я очень остро реагировала на расхождение слов с делом. Но это расхождение было неизбежно из-за отрицания естественно-научного знания, на котором основаны не только все современные технологии, но и все современные потребности.

Наступил момент, когда мне стало очевидно: раввины просто морочат народу голову. Но как им это удастся? Очень просто: раввины поняли, что государство есть орудие насилия и в этом

качестве Государством можно воспользоваться. Для этого нужно создать политические партии, войти в парламент, правительство и силой, через законодательство, навязать народу свою власть.

Нормой стал политический шантаж: дадите денег – поддержим вашу политику; не дадите – не поддержим. У всех на глазах. Без смущения от того, что таким отношением к Государству они обрекают всю его политическую систему на неизбежную коррозию.

То, что я видела, было прямой противоположностью моему представлению о нашей вере и традиции. Я была уверена, что к нашим мудрым лидерам люди обращаются добровольно, как к Любавичскому Ребе.

III. МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ

Чтобы разобраться с тем, что происходит, я пошла учиться. Курсы, которые я прослушала на историческом факультете по разным периодам еврейской истории, постепенно прояснили ситуацию.

1. Талмуд был создан в рассеянии для самосохранения народа, который утратил общую территорию и общую административную систему. В этих условиях лидерами народа стали авторитеты Талмуда, которые удовлетворили потребность народа в определенном типе знания – как жить, как организовать коллектив (семья, община), как взаимодействовать с чужой окружающей средой. В этой ситуации власть талмудических авторитетов народ признал добровольно.
2. С началом эпохи Просвещения народ стал отказываться талмудическим авторитетам в праве на власть: они оказались неспособными удовлетворить потребность евреев в новом знании – универсальном (естественно-научном). За универсальными знаниями евреям пришлось обратиться к народам, сменив самоидентификацию с национально-религиозной на гражданскую (французы Моисеевой веры). Смена самоидентификации вызвала потребность в перетолковании традиционного знания (реформы

Талмудического иудаизма). В результате традиционная община распалась и начался процесс массовой ассимиляции.

3. Возникла новая потребность – сохранить народ, объединив его и обеспечив ему беспрепятственный доступ к универсальным знаниям. Для удовлетворения этой потребности Теодор Герцль предложил создать Государство евреев. Новую национальную потребность могли удовлетворить исключительно евреи "просвещенные" (*маскилим*), прошедшие аккультурацию в среде европейских народов. Они и были основателями Государства. Произошла смена элит.
4. С целью восстановления единства народа был составлен документ, известный как "Письмо статус-кво". В 4 параграфе "Письма" от имени Государства выставляется требование признать универсальные знания, каковыми являются история, математика и естественные науки. "Письмо", подписанное Давидом Бен-Гурионом, было адресовано лидерам ортодоксального еврейства и ими принято.

Я ничего не придумала. Я всего лишь проанализировала и обобщила общеизвестные факты. Но для того, чтобы факты были народом усвоены и отрефлексированы, изучение истории должно было быть поднято на уровень изучения Торы. И это логично: народ, который осмыслил собственную историю в ТАНАХЕ, обязан продолжать осмысление своего пути в Истории. И народ это почувствовал в Новое время, когда с народом начали происходить такие драматичные перемены. Появились еврейские историки и археологи, которые трудятся на святом поприще Истории.

Но одно дело знать. Другое дело видеть в этом знании Учение, которое нужно предавать из поколения в поколение как традицию знания.

В Израиле так вопрос вообще не ставится. Торой называется исключительно Талмуд, а История является не просто предметом маловажным, но и не нужны никому, кроме тех, кому просто интересны какие-то рассказы о прошлом. Жить надо настоящим.

Израильтяне считают это проявлением чувства реализма и очень им гордятся.

Я придерживаюсь убеждения прямо противоположного: кто не понимает своего прошлого, не будет иметь и будущего. Процессы деградации общества и Государства доказали правоту этого убеждения.

IV. ПАТРИАРХАЛЬНОСТЬ ЭЛИТЫ

Вот когда сказались последствия спора Зеэва Жаботинского с Хаимом Вайцманом и победа Ваймана в этом споре. Победила элита, которой не нужен был умный народ. Элите было достаточно того, что она сама, как ей казалось, умна.

Произошло то, чего так опасался Ахад хаАм, возражая Теодору Герцлю: народ действительно оказался не готов к Государству ментально. И причиной этому была патриархальная традиция религиозной общины, с ее естественным делением на разумных «отцов нации» и народ, «чадо неразумное».

Патриархальное высокомерие, естественное для этой традиции, ортодоксальная элита выражала открыто. У "образованной" части элиты это высокомерие проявлялось скрыто. Ортодоксальная элита лишала подвластную ей часть народа доступа к универсальным знаниям, чтобы обеспечить себе зависимость паствы и свою власть над нею. "Образованная" элита для достижения той же цели просто не желала делиться с народом знаниями, которыми обладала сама: "необразованному" народу всегда можно было указать на его зависимое место.

Это стремление к традиционно-патриархальному типу власти стало явным с прибытием миллионной алии из СССР. Дискуссии о том, что нам делать с "культурной алией" велись открыто в средствах массовой информации. Я это прекрасно помню. И "слабое" место советского еврейства было найдено – 70-летнее исключение из традиции Талмудического раввинизма. Этого было достаточно, чтобы наделить ортодоксальную элиту правом на

перевод советского еврейства из категории алии "**культурной**" в категорию "**ущербной**". "Образованная" элита красноречиво молчала, предоставив ортодоксии возможность делать черную работу, важную для обеих элит.

То, что этот разрушительный для всего общества процесс был обусловлен патриархальным менталитетом нашего народа, а не волей отдельных злоумышленников, продемонстрировало поведение самой "культурной алии" из СССР. Советские евреи согласились на такое к себе отношение. Многие не только приняли религиозную традицию общины как данность, но и превратились в ее яростных защитников.

Для меня это было неожиданностью, так как по опыту диссидентки-сионистки я знала, до какой степени ничтожное число евреев интересовалось религиозной традицией в СССР.

V. ТЕКСТ ПРОТИВ ФАКТА

Я пыталась проанализировать этот феномен и пришла к выводу, что патриархальный менталитет проявил поразительную живучесть и сохранился даже тогда, когда религиозная талмудическая традиция уже не оказывала на евреев непосредственного воздействия. Секрет состоял в абсолютном преимуществе Текста над Фактом. И теперь воспитанники Ленинского комсомола с такой же легкостью переходили с "Капитала" на Талмуд, с какой их деда и прадеды переходили с Талмуда на "Капитал".

Главное – Текст и доказательство.

Факт, не соответствующий Тексту, объявляется несуществующим.

Наделенным властью отцом, таким образом, становится тот, кто толкует Текст. И если толкователи Текстов объявили советское еврейство «неправильным», значит, таким оно и должно считаться. Вопреки Факту.

Как выяснилось, проблема не является специфически израильской. Она является общенациональной и проявилась у той

части советского еврейства, которая после крушения СССР осталась в галуте.

В США советские евреи открыли для себя традиционную религиозную общину, налаженную национальную жизнь, которая в СССР была разрушена. Желание присоединиться к такой традиции в новой и чужой стране само по себе понятно. Но оно обернулось яростным отрицанием советского прошлого из-за того, что советское атеистическое воспитание лишило евреев традиции Талмуда. То, что благодаря этому лишению евреи обрели бесценный капитал полученного образования, которое позволило им очень быстро занять позиции не только в обществе, но и в общине, оказалось ничего не значащим Фактом. Текст "**о разрушении нашей культуры**" обрел над Фактом неоспоримое преимущество.

Но потом появился новый Текст – текст о "**настоящих евреях**", которые должны жить по нормам традиционной общины. Это определение делало израильтян – "**ненастоящими евреями**", а Государство Израиля лишало смысла существования.

Еще катастрофичней реванш Талмудического иудаизма выглядит на территории бывшего СССР. Раввины бросились осваивать новую область своей деятельности: возвращать оставшихся евреев к "корням". В авангарде оказались Любавичские хасиды в качестве посланцев Ребе.

Но теперь, после ухода Ребе, это уже были не мальчики, которые когда-то поддерживали нас. Это были учителя, которые прибыли переучивать советских евреев из "ненастоящих" в "настоящие", то есть, они прибыли вытапывать мои корни и переучивать моего отца, не обладая его уникальным еврейским опытом, и даже не интересуясь этим опытом, потому что он не соответствует Тексту и его комментариям.

Разумеется, речь идет исключительно о Власти. В опьянении этой неожиданной властью раввины и сами вышли за ограничительные рамки Талмуда. Теперь они вмешались не только в политику Государства Израиля, но и в политику постсоветских

государств – в конфликт Украины с Россией, не имея представления о сути и глубине этого конфликта.

VI. СВЯЩЕННЫЙ ДУХ ТРАДИЦИИ

То, что происходит у всех на глазах, превращает проблему Веры в центральную.

Во что мы верим? Различаем ли мы между Верой в ТВОРЦА и верой в Талмуд? Само наше возвращение на Землю Израиля делает этот вопрос центральным.

Повторяю: без Веры в Обетование у евреев нет права на возвращение. Если же мы вернулись, значит, мы признаем Того, Кто Обетовал. Такую Веру продемонстрировало поколение халуцианства. Оно не цитировало Талмуд. Оно не рассуждало с утра до вечера о Спасении, о пророках, о Третьем Храме. Вера созидателей Государства требовала дела, а не цитат и комментариев. Но лишь благодаря их деятельной вере Текст стал Фактом – Государством.

Каким же образом халуцианская вера оказалась вытесненной разрушительной для Государства верой в Талмудический иудаизм?

Ответ на этот вопрос я нашла у Жаботинского. Жаботинский, которые в молодости позиционировал себя "свободным", в зрелые годы поставил вопрос Веры в центр своего внимания. Без живой Веры, веры в вечные ценности, которую сохранила традиция, народ теряет смысл в созидании собственного будущего, и энергия, обеспечивающая его жизненной силой, в нем иссякает.

Но далеко не "частный вопрос" – умерла ли традиция или она жива. Осталась ли гора Синай и пророки живыми явлениями духа или это пылящиеся под стеклом мумии, фетиши, наподобие ацтекских... высший интерес "Государства" и нации – чтобы вечный огонь не угас, чтобы среди всего, что сваливается ныне на голову молодого человека, попадало к нему и представление о наших ценностях, чтобы доходил до него священный дух, дух нашей Традиции. "

Но что собой представляет "**священный дух**" Традиции?

На этот счет Жаботинский высказался со всей присущей ему определенностью: Традиция – хранилище ценностей, которые будоражат народ в ожидании времени, когда из Текста они превратятся в Факт.

Да, Евреи – народ, который принес в мир великие идеи и сохранил их в своей Традиции. Но когда идеи эти были народу сообщены, сам народ пребывал в состоянии младенчества: ТАНАХ об этом напоминает неоднократно. Талмудический иудаизм сохранил не только идеи. Он хранил народ в состоянии патриархального младенчества на протяжении 2000 лет, когда другие народы бурно развивались.

Жаботинский разобрал эту проблему на примере идеи юбилейного года, когда прощаются все долги.

"идея юбилейного года – регулярно повторяющейся бескровной социальной революции – идея, величие которой дано оценить только нашим потомкам...В той неуклюжей, первобытной ребяческой форме он (идеал) неприменим к нашему сложному быту; некоторые историки сомневаются даже в том, соблюдался ли действительно юбилейный год и в древние времена Израиля, не остался ли мертвой буквой с самого начала. Но мало ли что в библиях мира сего осталось поныне мертвой буквой? Мечей на сошники мы еще тоже не перековали; но когда-нибудь перекуем."

Просвещение объявило о взрослости человечества и потому вызвало кризис всех религий. Отрицание галута, "**шлилат галут**", – это не отрицание священного духа традиции. Отрицание галута – это заявление народа о своей взрослости.

Евреи переросли Талмудический иудаизм, как взрослые дети перерастают колыбель, в которой они лежали во младенчестве. И это уже проблема матери-религии, что никакой иной песенки она не выучила, кроме колыбельной.

А колыбельная усыпляет.

Этот сон 6000000 уже оплатили своей жизнью.

VII. ПОСЛЕДНИЙ РАВВИН

Как ни странно, но такой анализ нашей реальности позволили мне еще выше оценить Любавичского Ребе. Он несомненно почувствовал то, что его предшественники не почувствовали: народ стал взрослым.

Ребе был инженером, изучал философию в университете – его предшественники традиционно отрицали Просвещение.

Ребе поддерживал Израиль – его предшественники были яркими противниками сионизма.

Ребе мыслили масштабно: рассылал своих гонцов по всему миру, чтобы поддерживать евреев, и со всего мира евреи стекались к нему.

Ребе не нужно было использовать государство как орудие насилия, чтобы навязывать свою Власть. Он обладал особой властью мудреца, которую народ признает добровольно.

Один поступок Ребе говорит о многом: Ребе никогда не был в Израиле. Причин может быть множество. Но одна из них – самая убедительная. Ребе сказал, что он нужен евреям в галуте, то есть там, где евреи еще оставались в своем патриархальном детстве, не созрев для взрослой жизни Государства.

Как пророк Моисей Ребе обозревал Землю Израиля, в которую сам не вошел, потому что был последним раввином, закрывающим эпоху Талмудического иудаизма.

То, что эта почетная миссия могла выпасть на долю только Русскому еврею, лидеру движения, которое родилась в России, я поняла благодаря русскому мыслителю-пророку Петру Яковлевичу Чаадаеву.

ФИЛОСОФИЯ

1) ТРИЖДЫ ЗНАКОМСТВО

Имя Петра Яковлевича Чаадаева было известно каждому советскому школьнику, но не само по себе, а в связи с Пушкиным, младшим современником и другом Чаадаева.

Все обязаны были знать наизусть пушкинское стихотворение "**К Чаадаеву**", слова из которого превратились в слоган: "**Товарищ, верь, взойдет она, звезда пленительного счастья**".

Трактовались они так, как требовала партия-воспитательница: Пушкин выступал в роли предвестника Октябрьской революции.

Вторая встреча с Чаадаевым произошла в отказе. Теперь уже без Пушкина. По рукам ходило Философическое Письмо, написанное самим Чаадаевым. В этом Письме Чаадаев сокрушался о судьбе России, которая оказалась оторванной от Запада и потому лишена замечательных свойств и достижений европейских народов.

Мы, вообразившие себя западными людьми, в этом письме находили обоснование своего желания порвать с этим русским СССР, отсталым и несостоявшимся государством.

Тогда я и не представляла, что мне предстоит третья встреча с Чаадаевым. Но произошла она уже в Израиле.

Я шла по улице Алленби в Тель-Авиве и зашла в магазин "**Русская книга**". На эту книгу я обратила внимание потому, что она выделялась своим размером, (больше других, стоявших на полке) и цветом обложки (светлая на темном фоне остальных). Главным, однако, оказалось ее название – "**Русская философия. Словарь**".

До этого момента я и не представляла, что существует какая-то особая русская философия, просто не интересовалась этими вещами. Я открыла книгу, полистала ее и остолбенела: какие-то люди рассуждали на те же темы, на которые пыталась рассуждать и я.

Я начала интересоваться работами русских философов и попала в мир, в котором никто не морочил мне голову "абсолютами", "структуралистами", и "фрейдизмами" с "феминизмами".

Русские философы рассуждали о человеке, о народах, о человечестве. И рассуждали они на человеческом языке.

И до чего же все это было актуально.

Эта книга – "Русская философия. Словарь" – привела меня к Чаадаеву в третий раз, теперь уже непосредственно к творчеству самого русского мыслителя, без какого-либо побочного интереса.

Оказалось, что известное мне Философическое Письмо было лишь первым из Восьми Философических Писем, в которых Чаадаев изложил свое философское миропонимание. Кроме Писем были другие работы и личная переписка, в которой он излагал свои взгляды (она важна еще и из-за датировки, которая позволяет понять цельность его миропонимания)

Узнала я и о роли, которую в судьбе философа сыграло Первое Письмо. Оно вызвало скандал с последствиями: царь объявил Чаадаева сумасшедшим и вся жизнь широко образованного аристократа, уверенно начавшего блистательную карьеру, была сломлена.

Его судьба пробудила у меня интерес к проблеме диссидентства. Я в диссидентах оказалась случайно. Но он-то сделал это осмысленно. Зачем? Чаадаев объяснил: из-за нетерпимости ко Лжи.

Прежде всего ты обязан своей родине, как и своим друзьям, — правдой.

Я предпочитаю бичевать свою родину, предпочитаю огорчать ее, предпочитаю унижать ее, только бы ее не обманывать.

я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной"

Вот это было для меня актуально уже в Израиле: патриот не может позволить себе слепоту и ложь. Но что делать, если каждый думает, что зрячий именно он; если у каждого своя Правда? В Израиле эти разные правды ввергли все общество в глубочайший кризис. Нет единства.

Оказывается, СВЕРХПРАВДА есть, но раскрывается она в Истории, раскрывается постепенно. А двигателем История является Монотеистическая Идея – та самая Идея ЕДИНОГО ТВОРЦА, которую в мир принесли евреи.

II) ВОЗВРАЩЕНИЕ К ТАНАХУ

О евреях Чаадаев рассуждает в Седьмом Философическом Письме. Вернее, не о евреях как о народе, а о пророке Моисее, который через евреев дал человечеству Истинного Б-га, и тем самым predetermined развитие всего человечества.

"род человеческий всем своим умственным развитием, вытекающим из этого принципа, бесспорно обязан ему"

Авраамические религии и в самом деле воздействуют на людей иначе, чем религии немонотеистические.

Идея ЕДИНОГО ТВОРЦА объединяет людей невидимой силой и люди начинают действовать совместно. Появляется общий источник, из которого могут черпать идеи разные народы; начинается взаимообмен разнообразным культурным опытом единоверцев; вырабатываются общие законы. В результате каждый отдельный народ получает мощный импульс собственного развития.

Об этом свидетельствует опыт европейских народов: европейская культура, европейская система образования – это результат единства разных племен на основе христианства.

Об этом свидетельствует и опыт мусульманских народов: единый Коран на арабском языке, единый Хадж – это результат воздействия ислама на разные племена.

Принудить людей действовать с такой согласованностью невозможно; нет силы, которая могла бы произвести такой эффект, как вера в ЕДИНОГО. И когда Чаадаев говорит о том, что своим развитием род человеческий обязан пророку Моисею, он, несомненно, прав.

Но при чем здесь евреи?

По мнению Чаадаева, пророк Моисей отделяет евреев от всех народов для достижения двух целей

Первое. Организовать народ посредством законодательства, чтобы внедрить в самосознание саму Идею ЕДИНОГО Б-га.

"миссия его заключалась не в том, чтобы проявить образец справедливости и нравственного совершенства, а в том, чтобы внедрить в человеческий разум величайшую идею, которую разум этот не мог произвести сам"

Тут, Чаадаев, несомненно, прав. Нормы нравственности, которые были естественными во времена Моисея, настолько отличаются от современных, что прямая ссылка на Закон Моисея лишь отпугивает людей и порождает неверие в Идею. Проблема эта, как известно, решается бесчисленными комментариями священных книг.

Второе. Показать на примере одного народа объединяющую мощь Идеи ЕДИНОГО Б-га.

Среди господствовавшего тогда по всей земле многобожия можно ли было найти более верное средство воздвигнуть истинному богу неприкосновенный алтарь, как внушить народу, ставшему хранителем этого святилища, расовое отвращение ко всякому племени идолопоклонников и связать все социальное бытие этого народа, всю его судьбу, все его воспоминания и надежды с одним этим принципом.

Что же касается "избранности" для этой цели, то ТАНАХ как раз демонстрирует катастрофический провал евреев в выполнении своей миссии – показать образец единства на основе Идеи. Наоборот, евреи показали пример бесконечных раздоров и даже явились к пророку Самуилу с требованием назначить евреям царя, чтобы он объединил народ и повел его за собой, как это принято у всех народов.

С миссией у евреев явно не получилось.

Но это в прошлом. А как теперь, когда народ, наконец, обрел желанный суверенитет на Земле Обетованной?

Парадокс, но именно ортодоксальный сектор израильского общества, который претендует на роль хранителя учения Моисея, оказывается самым раздробленным.

И уж совсем представляет странным, что для воссоздания единства на Земле Обетованной евреям пришлось обратиться к другим, "неизбранным" народам, которые обладали и универсальными естественно-научными знаниями, и необходимыми технологиями, и необходимой государственной идеей. Евреи, напротив, этим не обладали, хотя пророк Моисей преследовал универсальный замысел: свидетельствуют об этом не только 10 заповедей, но и общий план развития человечества от Адама до мессианских времен.

Чаадаев подчеркивает именно это – универсализм замысла пророка Моисея:

"выступает во всей этой работе высокого ума глубоко универсальный замысел – сохранить для всего мира, для всех грядущих поколений понятие о едином боге."

Чтобы понять замысел пророка Моисея, утверждает Чаадаев, нужно читать Второзаконие.

"Прочитайте с этой точки зрения Второзаконие, и вы будете изумлены тем, какой свет оно проливает не только на систему Моисея, но и на всю философию откровения"

Этим призывом Чаадаев вернул меня к ТАНАХУ.

За годы жизни в Израиле у меня появилось множество новых вопросов, которые требовали ответа. Обращаться в ТАНАХУ на Земле Обетованной, как я это делала в Советском Союзе, мне казалось бессмысленным. Ведь здесь меня окружали "знатоки Торы", у которых теперь учились бывшие советские евреи.

Но то, что со знакомыми мне людьми происходило в результате этого «учения», отбивало охоту открывать какие-либо книги о "Торе".

Однако к моменту третьей встречи с Чаадаевым у меня уже был собственный 15-летний опыт жизни среди потомков того самого

племени, которое вел за собой пророк Моисей на ту самую Землю Обетованную, на которой теперь жила и я. И теперь я могла уже опираться на собственный опыт.

Идеи русского философа Петра Яковлевича Чаадаева позволяли внести в этот новый мой опыт требуемый порядок.

III) МОНОТЕИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОСОФИЯ. ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ ОПЫТОМ

В наследии Петра Яковлевича Чаадаева я нашла ответы на три волновавших меня вопроса.

ВОПРОС ПЕРВЫЙ. Каким образом Человек обретает веру в ТВОРЦА?

Чаадаев отвечает:

"В день создания человека Бог с ним беседовал и человек слушал и внимал ему: таково истинное происхождение человеческого разума; психология никогда не отыщет объяснения более глубокого."

Казалось бы, банальное описание акта Творения по мотивам ТАНАХА. Но оно соответствует опыту. Могу засвидетельствовать: вере меня никто не учил.

Но разве только мой разум додумался до признания ТВОРЦА? Вся человеческая культура строится на вере в Высшее существо. Стало быть, все люди так или иначе думают о ТВОРЦЕ. Атеисты, утверждающие, что ТВОРЦА не существует, просто о Нем не думают. Но что бы атеисты делали без цивилизации, созданной поколениями в матрице веры? Чаадаев отвечает: ***"мирно бы щипали траву"***.

ВОПРОС ВТОРОЙ. Что заставляет людей постоянно действовать, усложняя жизнь и проблемы, которые приходится решать? Ведь большинство людей стремится к простоте и от сложности бежит.

Чаадаев отвечает:

"вся наша активность есть лишь проявление силы, заставляющей нас стать в порядок общий, в порядок зависимости. Соглашаемся ли мы с этой силой, или противимся ей, – все равно, мы вечно под ее властью."

И эта чаадаевская идея поразительно соответствовала опыту. Каждый человек что-то производит, исходя из собственных нужд, нужд своего окружения, своего поколения, производит, даже не помышляя о каком-то общем процессе. И лишь по прошествии времени оказывается, что он в этот процесс был вовлечен какой-то неведомой ему силой, которая направила сделанное им на достижение общей цели.

Путешественники времен географических открытий преследовали собственные цели и, разумеется, не думали, что знакомство с далекими племенами готовит человечество к глобализации.

Ученые, увлеченные открытиями законов природы, не думали, что этими открытиями готовят материальную базу "глобальной деревни". Но это то, что получилось.

Кто мог представить, что описанная в ТАНАХЕ величественная картина единого человечества, описанная, кстати, со множеством подробностей, станет реальностью? Но она перед нами.

ВОПРОС ТРЕТИЙ. Есть ли какая-то логика в том, что творится в мире?

В XIX веке, когда проявились признаки грядущей глобализации с ее новыми вызовами и проблемами, обострилась потребность в осмыслении Истории – в историософии.

Гегель выдвинул идею Мирового Духа, которая позволила выделить особый германский и определить его как дух нового мира (известно, чем это закончилось).

Маркс выдвинул идею исторического материализма, которая позволяла возложить на мировой пролетариат миссию создателей нового мира (известно, к чему это привело).

У Чаадаева нет намерения объединить человечество Единым Новым порядком. Напротив, Чаадаевская историософия основана на ТАНАХическом разделении на народы, их историческом развитии и взаимодействии. И это принципиально отличает ее от прочих, в которых в той или иной форме ТАНАХ отрицается.

«присмотревшись внимательнее, мы увидим, что исторический материал почти весь исчерпан, что народы рассказали почти все свои предания... истории в наше время больше нечего делать, как размышлять...при таком отношении к делу историческая критика из предмета пустого любопытства стала бы высочайшим из судилищ. Она произносила бы неумолимый суд над гордостью и величием всех веков; она тщательно проверила бы всякую репутацию, всякую славу; она расправилась бы со всеми призраками и всеми историческими увлечениями; она занялась бы усиленно уничтожением лживых образов, которые загромаждают память людей, с тем, чтобы прошлое, представ перед разумом в истинном свете, дало ему возможность вывести определенные следствия по отношению к настоящему и направить с некоторой уверенностью взоры в бесконечные дали будущего.»

Сравнение чаадаевской картины с той, которая представлена в ТАНАХЕ пророком Исайей, просто поражает: опираясь на опыт, Чаадаев конкретизирует суть пророчества Исайи.

"И будет Он судить народы, и обличит многие племена; и перекуют мечи свои на орала, и копья свои – на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать."

И это то, что происходит в реальности. Никогда прежде все народы не пытались осознать свое происхождение и пройденный исторический путь, как это происходит в эпоху глобализации. Никогда не шла такая битва за историю, как в XXI веке. Достаточно упомянуть сражение за трактовку причин и итогов Второй мировой войны. Именно теперь, когда вопрос о будущем – есть ли оно у человечества? – встал необычайно остро, и возникла потребность, о которой писал Чаадаев: ***"вывести определенные следствия по отношению к настоящему и направить с некоторой уверенностью взоры в бесконечные дали будущего"***.

IV) БОГИ РЕЛИГИЙ ПРОТИВ ТВОРЦА ИСТОРИИ

Эти рассуждения Чаадаева привели меня к выводу: существование ТВОРЦА проявляется исключительно в логике Истории. Однако отсюда следовал еще один, крайне актуальный для меня вывод: религии неизбежно ведут к отрицанию ТВОРЦА. Это становится очевидным при рассмотрении двух проблем

Первая проблема – "Единство-Разделенность".
Идея ЕДИНОГО ТВОРЦА объединяет народы – религии разъединяют.

Так как все без исключения религии являются мнением разных людей о ТВОРЦЕ, они ограничены кругом последователей. На протяжении всей истории монотеизма разные мнения людей о ЕДИНОМ ТВОРЦЕ порождали расколы и религиозные войны. Глобализация закономерно ввергла все религии в кризис, так как нет такого мнения, с которым бы согласилось все человечество.

И это то, что открывается нам в опыте.

Вторая проблема – «Вперед-Назад».

Идея ЕДИНОГО ТВОРЦА ведет все народы вперед к единству человечества. И это также очевидно из опыта. Нынешний мировой порядок создали народы Европы, объединенные общим христианством. Первыми прореагировали на него другие монотеисты – стать **«в общий порядок»** вынуждены были сначала евреи, а затем мусульмане. Глобализация же втянула **«в общий порядок»** народы Китая и Индии, однако, вовсе не через религию, а через цивилизацию: через общие исследования, общую деятельность, решение общих вопросов.

Религии же, наоборот, тянут народы назад, так как их понимание ТВОРЦА основано на мнении религиозных авторитетов прошлого. И это тоже доказано опытом. Мы видим на каких идеях основана идеология Исламского государства; как православная доктрина «святых отцов» влияет на конфронтацию Украины с Россией. Наконец, до какого состояния довели евреев трактовки Талмуда; даже реформы не помогли, а, напротив, еще больше запутали.

Чаадаев остро чувствовал ограниченность религии. Именно об этом свидетельствует его Первое Философическое письмо: причину отделенности России он увидел в расколе церкви на Римскую и Греческую. Римская объединила европейские народы, а Греческая увела Россию в сторону от столбового пути Истории, по которому дружно шагали народы Европы.

Поэтому, называя себя христианским философом, Чаадаев подчеркивает, что его религия – не религия богословов.

"Это та предвосхищенная религия, к которой в настоящее время взывают все пламенные сердца и глубокие души и которая...станет в грядущем последней и окончательной формой поклонения и всей жизнью человечества"

В "Апологии сумасшедшего" Чаадаев прямо указывает, что мысль его ***"обращенная не к моему веку... в глубине моего сознания завещал грядущим поколениям, лучше осведомленным"***.

Это произвело впечатление, так как грядущие поколения, к которым обращался Чаадаев, были те, что прошли через опыт СССР. Вывод этот побудил меня вернуться в советское прошлое и попытаться проанализировать его в свете идей Петра Яковлевича Чаадаева.

V) СОВЕТСКАЯ СВЕРХДЕРЖАВА – НОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЧЕЛОВЕКОМ И ТВОРЦОМ

XX век отличается от всех предшествующих веков битвами за мировой порядок. Их главным признаком являются отнюдь не только мировые войны. Главный признак – появление всемирных организаций, созданных с целью определения мирового порядка и контроля над ним.

Россия вошла в XX век с идеей III Православного Рима, которая определила ее цели в Первой мировой войне: власть над проливами (выход в мировой океан) крест над Константинополем, Вселенский патриархат на Святой земле и т.д. Вышла Россия из

Первой мировой войны Новым Государством, которому предстояло стать Советской сверхдержавой, основанной на атеистической картине мира.

Фантастическое преобразование. Но каковы результаты! Атеизм положил конец религиям, разделявшим народы Российской империи, и объединил всех в единый советский народ.

Никто не почувствовал этот результат революции так, как почувствовали его евреи. Вместо национальной "культуры синагоги" евреи обрели общечеловеческую "культуру цивилизации", причем не в приложении к реформированному Талмудическому иудаизму, как на Западе, а именно вместо него. Смена "культур" выразилась в потребности старшего поколения предать свой новый, цивилизационный опыт младшему поколению. А это уже традиция, причем принципиально новая.

В Израиле ощутили эту смену традиций в уникальности "культурной алии", которая прибыла из СССР: всеобщее образование, профессиональная подготовка и разного рода культурные навыки. Однако никому не пришло в голову, что все это лишь результат принципиально новых взаимоотношений Человека с ТВОРЦОМ.

А ТАНАХ дает основание для подобного утверждения. Стоит лишь вдуматься в идеи книги Иеремии, как это станет очевидным.

Речь идет об идее Глобального Исхода из Земли Северной и всех земель, который противопоставляется известному всем Исходу из Египта.

«Посему, вот наступают дни, говорит Господь, когда уже не будут говорить: «жив Господь, Который вывел сынов Израилевых из земли Египетской», но: «жив Господь, Который вывел и Который привел племя дома Израилева из земли северной и из всех земель, куда Я изгнал их», и будут жить на земле своей.» (Иеремия 23:7,8)

«Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской;

тот завет Мой они нарушили, хотя Я оставался в союзе с ними, говорит Господь...» (Иеремия 31: 31, 32)

Показательно, что информация о Двух Исходах, изложенная в ТАНАХЕ с предельной ясностью, упорно игнорируется религиозными комментаторами. При этом другие, несоизмеримо менее значимые идеи, удостоились повышенного внимания и множества комментариев, которые определили опыт народов авраамических религий.

Причина очевидна: идея Двух Исходов не вписывается в картину мира любой авраамической религии. ТАНАХ ведь однозначно указывает на ущербность Первого Исхода, а, значит, и ущербность любой религиозной картины мира, основанной на его идеях и мистическом опыте.

Талмудического иудаизма это касается прежде всего.

VI) РОССИЯ – ЗЕМЛЯ СЕВЕРНАЯ

Свой смысл идея Двух Исходов обретает в миропонимании русского мыслителя Петра Яковлевича Чаадаева, которое основано на накопленном человечеством историческом опыте и способности Человека Разумного этот опыт осознавать.

Чаадаевское миропонимание проливает новый свет на Октябрьскую революцию. И я вдруг увидела то, чего прежде не замечала.

Революция прекратила бессмысленные богословские споры. И в наступившем человеческом безмолвии Воля ТВОРЦА проявилась так, как ее описал Чаадаев: она вынудила всех ***"стать в порядок общий, в порядок зависимости"***. Получалось, что советский атеизм был всего лишь средством достижения именно этой цели.

В картине мира любой традиционной религии существование ТВОРЦА не очевидно из-за множества религиозных трактовок Его Воли. Эта множественность также привела к атеизму, но вместо ***"порядка общего, порядка зависимости"*** получился глобальный хаос.

Под огромным впечатлением от идей Чаадаева я пришла к выводу, что Идея Двух Исходов – Первого Племенного и Второго Глобального – является самой актуальной.

Столкновение этих Двух Исходов **«не будут говорить: «жив Господь, Который... но «жив Господь, Который...»** объясняет радикальные перемены, которые произошли с евреями в Новое время. Но самое главное – эта идея является единственной, которая позволяет евреям взять новый старт и осуществить то, что народ подсознательно ощущает, а Чаадаев назвал: **"сохранить для всего мира, для всех грядущих поколений понятие о едином боге"**.

Показательно, что Зеэв Жаботинский подошел вплотную к идее Второго Глобального Исхода, но остановился из-за нежелания вызывать у современных евреев ассоциации с собственными предками времен Первого Племенного Исхода.

"Сначала я думал о слове "исход", Второй Исход из Египта – но сегодня это не годится. Мы ведь собираемся заниматься политикой, представлять перед народами мира, требовать у государств поддержки..."

Это может показаться странным – мы ведь гордимся этим Исходом и всем нашим прошлым, основанным на памяти об Исходе из Египта. Но в том-то и дело, что поколение халуцианства было устремлено в будущее, намеревалось по-новому жить, решать новые вопросы, и потому отказывалось возвращаться в прошлое.

Кроме того, слово "исход" ассоциируется у нас самих с картиной огромных масс, бегущих, как дикое стадо».

"Огромные массы, бегущие как дикое стадо".

В этой ассоциации нет ничего удивительного. Достаточно напомнить, с каких слов евреи начинают рассказывать о себе в Пасхальную ночь – "рабами были мы".

Идеал Свободы так и остался идеалом, который вся историческая практика евреев показательно отрицала. Вот от такого прошлого уводило евреев поколение халуцианства, те, кто вовремя поняли: если народ хочет, чтобы у него было будущее, необходимо начать все заново.

VII) ПРОРОЧЕСТВО РУССКОГО ХАЛУЦИАНСТВА

Смена Исходов – это глобальный исторический переворот, признаки которого проявились в Новое время. Оно потому и "Новое", что идеи Первого союза оказались исчерпанными.

Начинается массовый отказ от традиционных религий. Революции сотрясают мир и создаются новые глобалистские идеологии с целью...начать все заново: марксизм, фашизм, нацизм, современный европеизм, всякого рода интернационалы – пролетарский, либеральный, финансовый и т.д.

Евреев смена Исходов расколола на две части. Одна часть, революционная, почувствовала приближение глобальных перемен и вырвалась из общин с радикальными идеями переустройства мира.

Другая часть, ортодоксальная, напротив, забаррикадировалась в своих общинах, отказываясь признавать перемены и очевидный кризис традиционной общины.

В этот исторический момент от обеих частей народа откололась третья часть – халуцианская.

Халуцианская часть народа обладала такой же чувствительностью к глобальности происходящих перемен, как и революционная: она также вырвалась из общин с радикальными идеями переустройства мира. Но подобно ортодоксальной, халуцианская часть сохранила веру в возвращение. И нет просто сохранила, но и отправилась на родину, чтобы создать образцово-показательное общество, в котором евреи, наконец, реализуют идеалы пророков ТАНАХА.

Жаботинский в нескольких предложениях описал то, что ощущало поколение халуцианства, к которому он сам принадлежал. Евреи принесли в мир идеи, реализовать которые могут только сами евреи.

Но есть условие: евреям для этого нужна собственная «лаборатория», то есть, суверенное Государство. В отсутствии такового евреи вынуждены предлагать свои идеи другим народам, что неизбежно приводит к искажению этих идей. И Жаботинский указывает на Россию.

"...Вышло так, что мы вынуждены предлагать свои идеи о социальном равенстве и справедливости другим народам. То есть, давать советы, а не пытаться подать пример, как это делают другие народы. Ибо это единственный способ указать миру на вновь открытую истину. Мы видим, что произошло с еврейской идеей в России, где она попала в чужие руки..."

"Социальное избавление не придет, пока специалист не будет иметь собственной лаборатории. Строящие эту лабораторию, быть может, оказывают большую услугу всему человечеству, чем своему собственному народу...Это поколение евреев послужит всему человечеству тем и только тем, что построит Государство Израиль."

Вот этот замах на цели человечества показывает, что есть халуцианство. Это та часть еврейства, которая инициировала Глобальный Исход, а по сути откликнулась на призыв пророка Исаяи: "Проходите, проходите в ворота, приготовляйте путь народу! Ровняйте, ровняйте дорогу, убирайте камни, поднимите знамя для народов!**".**

Они могли бы подписаться под каждым словом этого призыва. Все их наследие дышит верой. Но откуда она у них?

Откуда в евреях этого поколения такая вспышка пассионарности?

Откуда жажда творчества во всех областях, которую они удовлетворяли всем, к чему прикасались?

Откуда эта готовность к любым испытаниям?

Как могла горстка, всего несколько тысяч человек, которую никто всерьез не воспринимал, совершить невероятное – развернуть народ к Сиону?

Множество вопросов.

Но уже само их появление обнаруживает, что халуцианским поколением владело не просто стремление избавиться от ненависти или создать для самих себя тихий национальный уголок. Здесь иная метафизика – стремление к Союзу с ТВОРЦОМ. Причем стремление не по принуждению и с чудесами, как при Первом Исходе, а по собственной воле, полагаясь на разум и творчество Человека.

Идея Двух Исходов позволяет понять, о каком событии идет речь.

VIII) ИСХОД И БОЛЕВЫЕ ТОЧКИ СОВРЕМЕННОГО ЕВРЕЙСТВА

Идея Двух Исходов позволяет прикоснуться к болевым точкам XX и уже XXI века.

1) Нужно сравнить результаты деятельности поколения халуцианства, инициировавшего Глобальный Исход, с тем, что произошло с европейским еврейством, отказавшемся от Исхода!

Если **Холокост** не Б-жественное возмездие евреям за отказ от Глобального Исхода, то что это такое?

Евреи соблазнились сменой самоидентификации, предложенной Наполеоном: отреклись от национально-религиозной и перешли на гражданскую ("французы Моисеевой веры"). Ортодоксия, правда, самоидентификацию не меняла. Но ведь и для ортодоксии изменения, произошедшие в Европе в Новое время, создали условия невиданного прежде комфорта. И ортодоксия воспользовалась этим комфортом с удовольствием.

А ведь все это стало возможным лишь после того, как европейцы высмеяли ТАНАХ и восстали против непримиримого к евреям христианства. Нацизм всего лишь довел до конца процесс освобождения Европы от христианства, и возложил на евреев вину за тлетворное влияние еврейского ТАНАХА на арийский дух германцев. Вот это и есть результат исчерпанности идей Первого союза Племенного Исхода.

2) Нужно обратить внимание на прелюбопытное явление – солидарность Объединенных наций в осуждении евреев за «оккупацию» Земли Обетованной.

И это не арабская проблема и даже не мусульманская. Это именно проблема Объединенных Наций, которые атакуют Государство Израиля на протяжении всех лет суверенитета. Ведь это же очевидно, что сам по себе крошечный клочок Земли не может вызвать такую всемирную реакцию.

А объяснение в ТАНАХЕ, в образе "Амалека", некоего племени, которое выросло как препятствие на пути евреев к горе Синай. Объединенные нации и всякого рода "силы сопротивления" выполняют ту же функцию преграды на пути Глобального Исхода евреев из Земли Северной и всех земель.

Евреи в этой войне с «Амалеком» – провокация, которая необходима, чтобы ненависть "Амалека" к ТВОРЦУ смогла проявиться в полной мере. Так что война с "Амалеком" из поколения в поколение у Самого ТВОРЦА. Нужно только присмотреться, что собой представляют "силы сопротивления" и какова судьба тех, кто уже попытался воспрепятствовать Второму Глобальному Исходу.

А евреям в этой войне предписано стереть имя "Амалека", то есть, уничтожить его Идею. Так что Идея Двух Исходов позволяет дать четкую оценку ситуации, в которой оказалось крошечное Государство Израиля после провозглашения независимости.

3) Идея Двух Исходов проясняет проблему Просвещения. То, что Просвещение вынудило всех стать в "**общий порядок, в порядок зависимости**" – это факт.

Просвещение отвергает богословие, но открывает всему человечеству доступ к естественно-научному знанию, к законам Творения, то есть, к Учению ТВОРЦА. А ведь в результате Человек оказался перед таким этическим вызовом, который любое религиозное богословие не в силах даже осознать и тем более на него ответить.

Просвещение устраняет посредников между ТВОРЦОМ и Человеком, которому не на кого больше полагаться. Он должен учиться самостоятельно слышать Голос. Тем самым исправляется ущербность Первого союза Племенного Исхода, когда евреи не выдержали прямого контакта с ТВОРЦОМ и послали пророка

Моисея, чтобы он им пересказал Слово. Так родилось богословие. А значит, Просвещение и есть та Свобода, которую религии провозглашают, но всей своей практикой ввергают людей в рабство подчинения различным мнениям людей о ТВОРЦЕ.

Если Просвещение не очевидное Проявление Б-жественной силы, которая подчинила себе все человечество и вынудила к кардинальному пересмотру отношений Человека с ТВОРЦОМ, то что это такое, Просвещение?

Для евреев же Просвещение – это прежде всего межа, разделяющая Два Исхода. Чтобы начать Второй Глобальный Исход, евреям нужно было к нему подготовиться. И евреи это почувствовали, откликнувшись на эту нужду с невероятным воодушевлением, как только Просвещение лишь поманило евреев.

Как известно, строили Страну, собирали народ и возвращали его на Землю Израиля *маскилим* (просвещенные евреи), а вовсе не ортодоксия. Но ведь только *маскилим* и могли это сделать, встретив, как тоже известно, яростное сопротивление ортодоксии. Есть факт, который раскрывает суть возникшего конфликта.

4) Идея Двух Исходов проясняет проблему возвращения народа к ивриту как к национальному языку.

Эту потребность ощутило поколение *маскилим*, просвещенных евреев. Но как удалось одному человеку, Элеэзеру бен Йехуде, осуществить задуманное? Откуда такая смелость замысла и исполнения – собственного сына вырастить первым ивритянином? Никто не верил, а он настоял и народ его поддержал – на иврите заговорили родители с детьми.

Это первый признак живого народа и его нужды.

А ведь Элеэзеру бен Йехуде яростно противостояли именно раввины, утверждавшие, что иврит должен оставаться языком святого культа. То, что в каждодневной жизни евреи разных стран утратили способность понимать друг друга из-за разных языков, на которых разговаривали, – а это явное свидетельство распада народа, – раввины просто не заметили. Этот факт – неопровержимое свидетельство исчерпанности идей Первого союза Племенного Исхода.

Култ обрел самостоятельный, причем единственный смысл. Живой еврейский народ смысл утратил.

5) **И**дея Двух Исходов поднимает вопрос о хваленой мудрости: возможны ли богопочитание и мудрость без связи с реальной жизнью народа? ТАНАХ дает однозначный ответ – нет:

"этот народ приближается ко Мне устами своими, и языком своим чтит Меня, сердце же его далеко отстоит от Меня, и благоговение их предо Мною есть затверженная заповедь людей; то вот, Я еще необычайно поступлю с этим народом, чудно и дивно, так что мудрость мудрецов его погибнет, и разума у разумных его не станет". (пророк Исайя)

Идеи Первого союза Племенного Исхода себя полностью исчерпали. Но возможно ли отбросить их так, как Человек отбрасывает детское место в момент своего рождения? (А халуцианство именно так ставило вопрос.) 70-летний опыт еврейского национального суверенитета на Земле Израиля показал, что это невозможно. Идеи восстанавливаются через многовековую традицию народа.

Разумеется, восстановление традиции возвращает народ в то состояние, против которого восстало поколение халуцианства. Разумеется, кризис неизбежен. Но он и необходим, потому что только кризис может поставить в центр внимания проблему смены метода, посредством которого осуществляется связь базисных представлений о Добре и Зле с реальной жизнью людей.

IX) ДВА ИСХОДА – ДВА МЕТОДА

Создание Государства и возвращения народа на Землю Израиля было воспринято ортодоксией как возможность вернуть на Землю Израиля традицию, которая, подобно традиции любого народа, создается в матрице представления о Добре и Зле. "святое – грешное", "можно – нельзя", "делай – не делай".

Однако у еврейской традиции есть одно принципиальное отличие от традиций всех народов мира. Эта особенность обусловлена уникальностью исторического развития евреев. Сама матрица представления о Добре и Зле неразрывно связана с землей ТАНАХА, на которой, однако, единая традиция так и не

сформировалась. Об этом свидетельствуют многочисленные секты, одной из которых было протохристианство.

То, что принято считать традицией, сформировалось в условиях глобального рассеяния евреев среди народов, то есть, на земле Талмуда, который показательно называется Вавилонским. Эта особенность исторического развития евреев привела народ к двум проблемам, решить которые без Глобального Исхода невозможно.

Первую проблему определила цель традиции: отделение евреев от народов.

ТАНАХическое определение евреев как **«народ, отдельно живет и среди народов не числится»** крайне радикализировалось в Талмуде. И это понятно: самосохранение в условиях рассеяния требовало бескомпромиссного отделения от окружающей нееврейской среды и создания препятствий ее влиянию.

Национальное государство переворачивает ситуацию. С одной стороны, проблему самосохранения берет на себя весь народ как политическая нация. С другой стороны, став политической нацией, народ стремится к максимальному развитию взаимоотношений с народами. (Жаботинский: **"Мы ведь собираемся заниматься политикой, представлять перед народами мира, требовать у государств поддержки"**).

Таким образом Государство меняет и цель традиции на прямо противоположную галутской.

Вторую проблему создал непосредственный исторический опыт евреев.

В то время, как народы исторически развивались, евреи упорного сохраняли себя в закупоренных общинах, то есть добровольно обрекли себя на 2000-летнюю остановку в развитии. Объяснялся такой выбор национальной судьбы верой в возвращение на Землю ТАНАХА, где народ, наконец, реализует на практике собственное представление о Добре и Зле: о "святом – грешном", о "можно – нельзя", о "делай – не делай" и т.д.

Эта логика традиции – откуда пришли, туда и вернемся – сформировала особый метод трактовки реальности – метод **"Вечности Торы"**: реальность объясняется через одни и те же тексты

посредством комментариев этих текстов. А так как комментарии всегда можно наделить признаками текущего исторического момента, создается иллюзия, что и в мире никакие сущностные изменения не происходят. Все стоит на месте. Все изменения не существенны.

К чему метод "**Вечности Торы**" привел евреев, известно: для решения собственных национальных проблем евреям пришлось обратиться к опыту исторически развитых народов. Но этот факт как раз и создал проблему, так как он противоречил методу "**Вечности Торы**" в соответствии с которым евреи самодостаточны; заимствования запрещены.

Получалось что все, что позволило евреям вернуться из рассеяния и восстановиться как народ – Государство, естественно-научные знания, технологии, творческий труд, служба в армии и т.д. – все это является Злом, так как было позаимствовано из опыта других народов. А закрытая община, ограниченное Талмудом знание, труд, смысл которого сводится к поиску источника пропитания, отказ от службы в армии – все это есть Добро, так как, в соответствии с методом «**Вечности Торы**», препятствует изменениям.

Такая несовместимость представлений о Добре и Зле двух частей народа делает их бескомпромиссную конфронтацию неизбежной.

Правы все.

Правы те, кто признают факт заимствования, но утверждают, что без заимствования евреи не смогли бы собрать народ в суверенном Государстве, обнаружить реальное состояние народа и его реальные проблемы.

Но правы и те, кто указывают на другой факт: метод "**Вечности Торы**" сохранил народ в рассеянии, позволял на протяжении 2000 лет не признавать никаких изменений и успешно приспосабливаться к реальности, вкладывая в одни и те же тексты новые смыслы.

Выйти их такого тупика можно одним-единственным способом – сменить метод.

Идея Двух Исходов позволяет это сделать. Для этого нужно лишь предположить, что каждый Исход нуждается в том методе, который соответствует его цели.

Талмудический метод «**Вечности Торы**» создан в матрице Первого союза Племенного Исхода. Это очевидно по мистическому элементу этого метода, который обеспечивал евреев запасом идей, позволяющих в рассеянии среди народов оставаться «*народом, отдельно живет и среди народов не числится*».

Однако в Новое время что-то изменилось принципиально, и метод «**Вечности Торы**» больше не действовал. Появилось слишком много явлений, которые обнаружили бессилие метода «**Вечности Торы**»:

- это и массовая потребность евреев в естественно-научном знании, которая обернулась крахом традиционной общины;
- это и пламенная вера в научный атеизм, которая есть ничто иное как реакция на мистический элемент метода «Вечности Торы» и созданной им традиции;
- это и реакция на распад народа, к которому привел метод «**Вечности Торы**»;
- наконец, это потребность в воссоздании целостности народа в суверенном государстве на Земле Израиля.

Народ продемонстрировал, что перерос свое «детское место» и ощутил нужду в Глобальном Исходе, который инициировало поколение халуцианства.

Но для того, чтобы понять, что именно сделало это великое поколение, и продолжить их дело, требуется новый метод.

Таковым является метод **Монотеистической Историософии**, единственный, соответствующий логике Монотеистической Идеи.

Применение метода **Монотеистической историософии** позволяет бесконфликтно развести оба несовместимых представления народа о Добре и Зле как относящихся к двум разным союзам ТВОРЦА с евреями, и объединить народ ТАНАХической логикой исторического развития евреев: спокойно перейти от одной системы идей, обеспечивавшей единство в прошлом, к другой системе идей, позволяющей обеспечить единство в настоящем и определить общие цели в будущем.

Суть метода **Монотеистической историософии** демонстрирует сам ТАНАХ: в первоначальный хаос постепенно вводится порядок; затем порядок вводится в жизнь людей и высшей его точкой является объединение человечества под властью Единого ТВОРЦА.

Таким образом логика метода **Монотеистической Историософии** позволяет ввести монотеистический критерий определения Добра и Зла: Добро есть то, что способствует единству (вынуждает "*стать в порядок общий, в порядок зависимости*"); Зло есть то, что способствует распаду (расстройству порядка).

Первое. Метод Монотеистической историософии не позволяет называть Государство «светским», то есть никаким. Этот Метод наделяет Государство статусом «священное».

Государство позволило увести евреев из галута накануне Катастрофы; оно позволило объединить народ, понять, как изменился народ за 2000 лет рассеяния; определить новые принципы единства, когда прежние перестали работать.

Понятно, что Государство есть Добро. А любое посягательство на его священные символы (осквернение флага, сжигание чучела солдата) есть Зло.

И такое разделение между Добром и Злом должно быть зафиксировано в законе, так как народ воспитывается посредством законодательства. Это прекрасно доказал 2000-летний опыт галута.

Второе. Метод **Монотеистической историософии** не позволяет называть естественно-научные знания «светскими», то есть, никакими. Этот Метод наделяет их статусом «священных».

Естественные науки открывают Законы Творения, общего для всех потомков Адама. Этот вид знания объединяет всех людей, является основой сотрудничества в открытии законов, их использовании и решении глобальных проблем, которые это использование создает. Тот факт, что объединение человечества смогло произойти только при условии доступа к этим знаниям всех народов, а объединение евреев на Земле Израиля только при условии доступа евреев к этим знаниям, свидетельствует о том, что естественно-научные знания есть Добро. И изучать их нужно как Тору «*ради Имени ее*». Любое отрицание естественно-научного знания, отказ от изучения, есть отрицание Торы ТВОРЦА и потому является Злом.

И такое разделение между Добром и Злом должно быть зафиксировано в законе, так как народ воспитывается посредством законодательства.

Третье. Метод **Монотеистической историософии** не позволяет отрицать производительный труд как занятие «светское». Этот Метод наделяет производительный труд статусом «священный».

Производительный Труд является единственным доказательством утверждения ТАНАХА о Человеке, сотворенном по Образу и Подобию ТВОРЦА. Посредством труда человек создал цивилизацию, которая объединила человечество.

Труд был главной идеей халуцианства, которое инициировало Глобальный Исход. А это значит, что производительный труд есть Добро, *«работа во Имя Б-га – аводат ХаШем»*. А отказ от него есть Зло, отрицание Образа ТВОРЦА в Человеке.

И такое разделение между Добром и Злом должно быть зафиксировано в законе, так как народ воспитывается посредством законодательства.

Этически неопределенная «светскость» создала вакуум, который позволил методу **«Вечности Торы»** заполнить этот вакуум своим представлением о Добре и Зле. То, что именно это и произошло, закономерно, так как безальтернативность метода **«Вечности Торы»** позволила галуту взять реванш над халуцианством.

Начавшийся Исход остановился, народ развернулся на 180 градусов и пошел в обратном направлении – не к Б-гу, а от Него; вернулся в пустую оболочку союза Первого Исхода, исторический срок которого истек.

Так что политический кризис в Израиле вовсе не является политическим. Это кризис в отношениях евреев с ТВОРЦОМ.

Х) ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПРОРОК

Все эти рассуждения об израильских реалиях вернули меня к Первому Философическому Письму Петра Яковлевича Чаадаева. Теперь, опираясь на собственный опыт, я совершенно иначе его воспринимала.

Чаадаевское стремление объяснить мир посредством религиозного метода (в его случае христианского), заводило в тупик. Христианство, которому предназначено было стать религией единства, вело лишь к расколам; к единству вело Просвещение, но мощнейшим толчком к его развитию стал раскол Католической Церкви.

Все изменилось, как только Чаадаев сменил метод – обратился к Истории и пришел к **«предвосхищенной религии»**, которую он **«завещал грядущим поколениям, лучше осведомленным»**.

Обращение к Истории позволило Чаадаеву увидеть прямое воздействие на человечество Руки ТВОРЦА, подобно тому, как евреи видели Ее в чудесах Исхода из Египта. Самого же Чаадаева открытие Священной Истории наделило видением пророка.

Чаадаев предвидел бедствия, уготованные его народу.

«Кто может сказать,...сколько бед суждено нам испытать» – писал он тогда, когда русское общество смотрело в будущее империи с оптимизмом. Чаадаева объявили сумасшедшим. Но он оказался прав – XX век был настоящей Русской Голгофой.

Чаадаев предвидел, что русскому народу предстоит «дать миру какой-нибудь важный урок». И в этом он оказался прав.

Русские испытали на себе все «измы», не ими придуманные, втянули в орбиту своей судьбы множество народов, и превратили всех их, не русских по происхождению, в «русских» по языку, культуре и общему опыту. И разве мы не ощущаем важность этого урока, опыт, который из него извлекли? Я лично в Израиле ощущаю его постоянно и везде.

Как истинный пророк Чаадаев оставил образ события, которое потрясло весь мир в момент выхода Монотеистической Идеи из ограниченных рамок национального опыта евреев, чтобы распространиться на весь мир.

«когда наступил момент великой катастрофы в духовном мире, все пустые силы, созданные

человеком, мгновенно исчезли, и среди всеобщего пожара уцелела одна только скиния вечной истины. Только так может быть понято религиозное единство истории, и только с такой точки зрения эта концепция возвышается до настоящей исторической философии»

Чаадаев не мог знать о событии, которому суждено было произойти в будущем: крушение СССР. Теперь уже нет сомнения в том, что крушение СССР явилось глобальной катастрофой. Все, во что люди неистово верили всего только век назад, все что поднимало их на восстание против «старого мира» – все это вдруг превратилось в те самые ***«пустые силы, созданные человеком, которые мгновенно исчезли»***. Но распространились по всему миру люди с новым опытом, аналога которому не было во всей истории человечества.

Этот известный факт привлекает внимание к еще одному пророчеству Чаадаева, которое он сделал в частном письме своему другу за год до публикации Первого философического Письма

«Россия призвана к необъятному умственному делу: ее задача - дать в свое время разрешение всем вопросам, возбуждающим споры в Европе... Имея возможность спокойно и с полным беспристрастием взирать на то, что волнует там души и возбуждает страсти, она, на мой взгляд, получила в удел задачу дать в свое время разгадку человеческой загадки»

Весь вопрос в средствах: какие именно нужны, чтобы дать разгадку человеческой загадки. Поколение, более осведомленное, уже может оглянуться и увидеть эти средства: Глобальный Исход евреев из земли Северной и всех земель, глобальное рассеяние советских людей, создание мировых диаспор.

И общая задача – Единство.

XI) И снова Пушкин

Мое третье знакомство с Чаадаевы вернуло меня к первому знакомству, которое состоялось еще в школе благодаря стихотворению Пушкина. Но интерес уже был иной, интерес к тому моменту, когда зарождалось все то, что я узнала лишь в Израиле, то, что так меня потрясло.

Кто же мог поведать об этом лучше Пушкина в Послании Чаадаеву?

*К печалям я привык, расчелся я с судьбою
И жизнь перенесу стоической душою.
Одно желание: останься ты со мной!
Небес я не томил молитвою другой.
О скоро ли, мой друг, настанет срок разлуки?
Когда соединим слова любви и руки?
Когда услышу я сердечный твой привет?..
Как обниму тебя! Увижу кабинет,
Где ты всегда мудрец, а иногда мечтатель
И ветреной толпы бесстрастный наблюдатель.
Приду, приду я вновь, мой милый домосед,
С тобою вспоминать беседы прежних лет,
Младые вечера, пророческие споры,
Знакомых мертвецов живые разговоры...*